

ЖИЗНЬ

В ПРОФЕССИИ

Школа Бывальского

ДВА БЕРЕГА

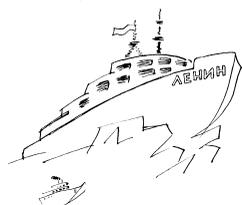
Чем ближе лето, тем острее и актуальнее встаёт вечная, но от этого не менее значимая тема поступления выпускников школ в высшие учебные заведения. В ближайший год-два, несомненно, этот сюжет будет находиться в переходном состоянии. С одной стороны, ещё продолжают действовать прежние правила. Более того, в них происходят приятные для некоторых выпускников изменения. Например, теперь правом внеконкурсного поступления будут пользоваться не только победители международных и всероссийских предметных олимпиад, но и те, кто стал победителем или призёром олимпиад на региональном уровне. И это правильно, так как данное решение помогает поступить в профильные вузы тем, кто уже сумел проявить определённую склонность и одарённость.

Вместе с тем в обозримом будущем правила игры, которые ведут вузы и школы, кардинально и окончательно изменятся. Вместо всех существующих положений останется одно — результаты сдачи Единого государственного экзамена (ЕГЭ). При всей неоднозначности ЕГЭ и диаметральной отношении к нему в педагогическом сообществе он, несомненно, должен сыграть роль ледокола, вслед за которым устремятся остальные судёнышки модернизации образования. И здесь ЕГЭ чем-то напоминает передовой отряд, оторвавшийся от основных сил и рискующий оказаться в окружении.

Дело в том, что, наряду с функцией по осуществлению государственной аттестации качества обучения выпускников, Единый государственный экзамен призван сыграть и важную социальную роль — привести к торжеству справедливости в вопросе получения платного и бесплатного высшего образования. Действительно, сейчас сложилась парадоксальная ситуация. Размер денежных средств, которые должен платить абитуриент, не поступивший на бюджетное место, никак не связан ни с тем, как он обучался в школе, ни с количеством баллов, недобранных им до заветного проходного уровня. Круглый троечник, сдавший все вступительные экзамены на тройки и не добравший, предположим, пяти баллов до необходимого, проходного уровня, оказывается в равном положении с выпускником, закончившим школу на пятёрки и четвёрки и недотянувшим до желанной цифры полбалла.

В новой схеме, как известно, предлагается поставить размер оплаты за обучение в соответствие с результатами ЕГЭ. Набрал 80–90 баллов — учишься бесплатно, 60–70 — платишь половину, ещё меньше — платишь по полной программе.

Успехе нет пределов!

Однако думается, что вряд ли такой подход в полной мере восстановит социальную справедливость. Не секрет, что те, кто слабо учится в школе, зачастую воспитываются в бедных и социально неблагополучных семьях, которые не способны платить за образование даже самый незначительный минимум. Можно, конечно, успокаивать себя тем, что и ценность образования в этой социальной среде менее осознана, но ведь чуть ли не главным аргументом идеологов ЕГЭ в спорах с противниками была возможность с помощью экзамена уравнять в правах на получение образования детей из больших городов и глухих сёл. Решение этой проблемы неразрывно связано с комплексом плохо разрешимых экономических вопросов, и только уповая на чудо, можно надеяться, что в ближайшее время на этой ниве взойдут хоть какие-то всходы. Сейчас же ситуация напоминает тупиковую: просчитать суммы, связанные с нормативным финансированием, невозможно без принятия образовательных стандартов, а с ними положение пока никак не проясняется. Министр образования В.М. Филиппов даже собирается разрубить этот гордиев узел, узаконив в качестве стандарта те документы, по которым сейчас работает школа, — то есть временные нормативы и положения. Таким образом, всё вернётся на круги свои. И это закономерно, потому что и сами стандарты, по уверениям их адептов, должны носить лишь временный характер, а значит, мало чем будут отличаться от принимаемого каждый год Министерством образования временного минимума содержания образования. По большому счёту требование сначала принять стандарты, а потом под них разрабатывать нормативы кажется сегодня простым бюрократическим крючкотворством. Это впечатление усиливается и тем, что нормативное финансирование уже действует в трёх регионах страны в порядке эксперимента.

*Смотри вдаль — увидишь даль; смотри в небо — увидишь небо;
взглянь в мажорное зеркальце, увидишь только себя.*

Таким образом, есть как минимум два пути. Идя по одному из них, необходимо принять стандарты да ещё включить туда нормативы по материальному обеспечению и на этом основании ввести новый вид финансирования. Идя по другому, достаточно расширить «эксперимент» по нормативному финансированию на все регионы, а потом, обобщив опыт, создать федеральную законодательную базу.

Опасность здесь только одна, схожая с тем, что разрушает прекрасный план Министерства образования об установлении социальной справедливости при поступлении в вузы. Ведь предполагается, что расходы на обучение в вузе будут покрываться за счёт именных финансовых обязательств. Закавыка только в том, что даже отличники получают так мало денег, точнее «обязательств», что вряд ли за их счёт смогут покрыть хотя бы один семестр обучения в серьёзном вузе, а, следовательно, разговоры о бесплатном (оплаченном государством) высшем образовании можно будет забыть. Социальная справедливость в виде платы за образование, увы, достигнет абсолютно всех.

Складывается впечатление, что скоро на дверях с роскошной надписью «Модернизация образования» появится новая, возможно, написанная мелом от руки: «Денег нет. Все ушли...», а сами двери окажутся заколоченными крест-накрест. Хорошо ещё, что большинство вузов и школ при этом продолжают работать. Несмотря на модернизацию.

РАЙ С ЭЛЕМЕНТАМИ КРЕПОСТНОГО ПРАВА

Судьба педагога и журналиста забросила меня на север в богатый город нефтяников. Я побывал в одном образовательном учреждении, знакомство с которым породило сложные, даже противоречивые чувства. Новенькое, построенное по индивидуальному проекту здание включало в себя всё, о чём только может мечтать директор школы: бассейн, два спортивных и три

танцевального зала, многочисленные помещения для занятий творческих студий и объединений. Впечатляли библиотека, представлявшая собой настоящий информационный центр, и два компьютерных класса. Да и пришкольный участок был под стать зданиям: ни много ни мало — 40 тысяч квадратных метров! На его территории располагались теннисные корты, стадион, а также, судя по фотографиям, цветущие сады, в том числе альпийские.

Осматривая эту воплощённую педагогическую мечту, переходя из кабинета в кабинет, каждый из которых был разделён на два помещения, нельзя было не порадоваться за школьников. Ведь на каждом уроке они разделялись на две группы: одна из них, человек восемь-десять, занималась под руководством учителя изучением материала на базовом уровне; другая, из трёх-пяти учеников, под присмотром педагога осваивала предмет углублённо, ставила опыты, проводила исследования.

Казалось бы, живи и радуйся! Но опытный глаз заметил и другое — состояние тревоги и беспокойство в глазах у большинства учителей. Выяснилось, что у них нет уверенности в завтрашнем дне. Причина их тревоги в контракте, который с ними заключается каждый год, и в случае, если он не будет подписан, педагогов ждёт не только потеря работы в этой замечательной школе, но и немедленное выселение из квартиры, которую они занимают в ведомственном доме. Согласитесь, это очень похоже на изгнание из рая. Конечно, педагоги, страшась такой перспективы, вынуждены максимально «давить» на учащихся. Ведь им нужны конкретные показатели результативности своей педагогической деятельности: победители предметных олимпиад, лауреаты различных конкурсов. В свою очередь, этот соревновательный и достаточно жёсткий принцип конкуренции среди учителей не всегда позитивно сказывается на учащихся.

Частный случай применения рычагов власти в этой школе натолкнул на более общие размышления. Вспомнилось, как в начале своего президентства В.В. Путин говорил о необходимости укрепления вертикали власти. В отношении к делу образования это, несомненно, было очень правомерным и даже необходимым действием. Ведь в девяностые годы управляемость системы образования сверху донизу во многом была утрачена. Это можно показать на одном очень характерном примере. Министерство образования никак не могло влиять на решения местных властей о назначении или снятии региональных руководителей образования. В результате было искалечено немало судеб лучших профессионалов. Происходило это потому, что руководители образования, защищая свою систему, были вынуждены поддерживать тех, кто в данный момент находился у власти. Если же на выборах побеждал альтернативный существующей власти кандидат, то это автоматически означало и отставку руководителя образования.

Только в государственной службе познаешь истину.

Однако в последнее время всё чаще приходится слышать не столько о вертикальной, сколько о горизонтальной составляющей управления образованием, и связано это, в первую очередь, с очень непростыми финансовыми вопросами. Точнее, с грядущей административной реформой. По мере развития её сценариев всё очевиднее становится, что федеральная власть хочет организовать управление, в том числе системой образования, по очень простой схеме. Его суть в том, чтобы, с одной стороны, принимать решения, которые будут иметь обязательный характер для всех, а с другой — отказаться от ответственности за их исполнение и отдать её муниципальным органам управления и субъектам федерации. Очевидно, что это увеличивает цену любой ошибки, и чем жёстче будут требования об исполнении, тем нелепей и страшнее они проявятся в конкретных последствиях. Но грядущие беды грозят многократно умножиться ещё и потому, что центральная власть не намерена пересматривать существующую схему раздела собираемых в регионах налогов. Известно, что сегодня их внизу остаётся не более 35 процентов. В этих условиях совершенно не очевидно, что для региональ-

ных властей образование окажется приоритетным, и совсем не факт, что на него хватит денег. Трансферты и субвенции, которые будут передаваться регионам, грозят стать коротким поводком, на котором будут держать образование страны. Скорее всего, их раздача в регионы явится поощрением за имитацию деятельности, которую будет требовать центр. При такой системе управления оценить её эффективность удастся только через несколько лет, когда мы уже получим продукт деятельности искорёженной системы образования.

Делается это, как всегда, из самых лучших побуждений. Регионам предлагают проявить ответственность и инициативу, но при этом связывают руки. Что-то я не помню, чтобы подобная система феодальной зависимости исторически долго оставалась эффективной.

*Во всех частях земного шара имеются свои, даже иногда
очень любопытные, другие части.*

Возможно, что в новых условиях образование начнут продавать по частям тем, кто сумеет выстроить, как это получилось на Севере, рай с элементами крепостного права. В таких островках благополучия будет воспитываться наша элита, но боюсь, что она останется совершенно равнодушна к тем, кто живёт за воротами их оазиса. Самое тревожное, что их презрение к недоучкам, которых при таком развитии событий неизбежно начнёт плодить обыкновенная муниципальная школа, будет вполне оправдано.

ДОРОГОЙ ДЛИННОЮ

«Всё тот же сон, всё тот же сон!» — горестно восклицал один из персонажей бессмертных произведений Ильфа и Петрова. Уйдя с советской службы, он хотел видеть во сне сладкие картины дореволюционного прошлого: приезд в город Государя Императора, торжественное заседание у генерал-губернатора. Вместо этого ему каждую ночь снилось собрание партячейки или комиссии по чистке, — то есть то, что наполняло его недавние дни совслужбы. Вот и мне, грешному, так хочется увидеть на экране телевизора счастливые лица директоров школ, учителей, взахлёб рассказывающих о своей зажиточной жизни, о тёплых и уютных классах, наполненных современной техникой.

Вместо этой благостной картины — «всё тот же сон». Снова репортажи о массовых забастовках учителей, леденящие душу пейзажи неотапливаемых школ, изношенное оборудование и рассыпающиеся от ветхости учебники. Пикеты у Государственной Думы, требующие приостановить введение новой системы оплаты труда педагогов и передачу финансирования на муниципальный уровень без каких-либо государственных гарантий.

Конечно, высшая власть пока не оставляет учителей в беде. Чтобы погасить накопившиеся долги, из резервного фонда в наиболее неблагополучные регионы в пожарном порядке перечислено 100 миллионов рублей. Наверняка принимаются и другие меры, и всё же они не решают проблему. А проблема в том, что уровень оплаты педагогов катастрофически низок. Недавно экономист академик Дмитрий Львов обнародовал ужасающие данные. Оказывается, производительность труда в нашей стране в 5–6 раз ниже, чем в США, но зарплата — ниже в 15 раз! Удивляет и другая цифра. Доля заработной платы в нашем внутреннем валовом продукте (ВВП) в 2–2,5 ниже, чем в структуре ВВП развитых стран. Всё это средние показатели, но даже и по ним педагоги получают в 2 раза меньше, чем занятые в промышленности. И совершенно очевидно, что когда в обществе говорят о бесплатном образовании, то имеют в виду не только тех, кто его получает, но и тех, кто его даёт. Именно они работают бесплатно. Но что предлагается сделать, чтобы изменить такое положение? Почему широко разрекламированное в прессе реформирование заработной платы вновь вызывает в лучшем случае горькие усмешки, а в худшем — акции протеста?

Увы, выставляемое как невероятное благо повышение зарплаты бюджетникам при ближайшем рассмотрении выглядит как очередное надувательство. Одно уже состоялось в прошлом году, когда после повышения тарифных ставок оказалось, что многие учителя не только не получили ожидаемого повышения зарплаты, а, напротив, ощутили её реальное снижение. Не выдержали муниципальные бюджеты. Кстати, инфляция с тех пор составила 40 процентов, а вот зарплату обещают повысить на 33 процента. Так что она не дотянет даже до естественной убыли, и, как учили нас на семинарах по капиталистической экономике, «реальная» зарплата трудящихся ещё больше упадёт.

Школышки солгавши, кто тебе поверит?

Не спасёт положение и отказ от единой тарифной сетки. Её так долго ругали, что решили наконец заменить отраслевой системой оплаты труда. Как и многое другое, это было записано в Законе «Об образовании», но так и не было выполнено. Впрочем, Министерство образования как флагман отрасли предлагает увеличить зарплату в рамках тарифной системы не в 1,33, а в 2 раза. Доброе наше министерство как будто не замечает, что в бюджете на 2003 год такое повышение зарплаты не заложено, а значит, педагогам так и придётся оставаться заложниками политических игр.

Есть и зыбкая надежда на выборы. Они близко и это заметно по тому, как некоторые партии ринулись защищать права обездоленных бюджетников. Вот только никто из них не торопится объяснить, где взять деньги и что необходимо сделать, чтобы они не были вновь бездарно растрочены, а направлялись на повышение зарплаты учителей и врачей.

Впрочем, кто-то считает, что всё происходящее в порядке вещей, что это, мол, рынок низко оценивает труд учителя. Только вот здесь-то явное передёргивание, потому что низко оценивает труд педагогов само государство. Оно часто не высоко оценивает и труд чиновников, но даёт им при этом рычаги, которые позволяют государственным людям щеголять в костюмах ценою в их годовую зарплату. Учитель же может не много: подзаработать дополнительными услугами да репетиторством. Возникает законный вопрос: не потому ли процветает эта разновидность индивидуального обучения, что учителю просто унижительно «выкладываться» на уроке за те копейки, которые ему платит государство?

Только вот теперь оказывается, что и этот худой мешок с учительскими грошами федеральной власти нести не по силам. И хотя ещё недавно раздавались голоса о том, что выплаты учительских зарплат надо поднимать чуть ли не на федеральный уровень, сегодня ветер переменился. Министерство труда и социальной защиты предлагает возложить почётную обязанность по выплате жалования учителям на муниципальные бюджеты. При этом милостиво предлагаются федеральные гарантии на выплату минимального размера оплаты труда (МРОТ), чтобы, видимо, простите за каламбур, посмотреть, «вымрет» учитель как класс или нет, ибо МРОТ — это сегодня ровно 450 рублей. Хорошо бы ещё к такой оплате труда приложить смету расходов на месяц, заверенную в казначействе, а потом долго удивляться, почему в школе остались только пенсионеры.

Продолжать смеяться легче, чем окончить смех.

А в заключение хочу напомнить любимую фразу Станиславского: «Не верю». Не верю не в то, что наши дотационные регионы найдут деньги на оплату труда учителей, и ещё больше не верю, что, сняв с себя обязательства, федеральная власть продолжит давать деньги для латания дыр в зарплатах учителей. Словом, пора протаптывать тропинку от школы к храму. Может быть, на паперти люди добрые подадут учителю на пропитание.